

Г. А. Праздников¹

ВЕРНУТЬ ОБРАЗОВАНИЮ ЧЕЛОВЕКООБРАЗУЮЩИЙ СМЫСЛ

Вот уже три десятилетия наше образование реформируется, модернизируется, оптимизируется. Бывший ректор Высшей экономической школы Я. И. Кузьминов, выступая в 2001 году на общественном обсуждении реформ образования, выразил необходимость решительных преобразований прежней педагогической практики такой метафорой: как керосиновую лампу не ремонтируй, в электрическую она не превратится.

Присоединение нашей страны в сентябре 2003 года к Болонской декларации представлялось возможностью преодоления «провинциализма» отечественного образования, а ныне, когда Россия вышла из Болонского процесса (нас вывели оттуда), многие в образовательной среде восприняли этот факт с удовлетворением, полагая, что все наши педагогические беды («от Болоньи»).

Обе посылки неверны. Российское образование во всем мире считалось одним из лучших, на состоявшемся в начале 2000 года совещании в Центре стратегических исследований оно наряду с природными ресурсами и ракетно-ядерными щитом было определено как параметр, выигрышно выделяющий нас из ряда других стран. И Болонский процесс не был навязанной нам моделью. В известном смысле этот процесс стал итогом осмысления образования за всю предшествующую историю педагогической практики и теории².

Эти итоги весьма значительны. Завершился процесс, который был начат в эпоху Возрождения, затем углублен просветителями и развит педагогической мыслью XIX–XX веков: в современном понимании образование — это важнейшее государственное и общественное дело, по сути формирование субъекта истории. Еще платоновская «пайдейя» трактует образование не как освоение знаний, а как изменение человеческой сущности. Совсем недавно само понятие «образование» отсутствовало в словнике философских словарей и энциклопедий, и вот уже появилась новая как для философии, так и для педагогики наука — философия образования. Образованию был посвящен один из всемирных философских конгрессов. Доклады по этой тематике выносятся на обсуждение мировой общественности. Римский клуб, созданный для исследования глобальных проблем человечества, посвятил образованию специальные программы, а в своем юбилейном докладе в 2017 году вынес соответствующую тему в отдельный раздел.

Образование перестали рассматривать как отраслевое, семейное, конфессиональное занятие. Оно мыслится в контексте важнейших процессов жизни.

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая культура и эстетическое воспитание» (в соавт.), «Культура в пространстве жизни», «Театр Владимира Мальшицкого» и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Почетный профессор СПбГУП.

² Праздников Г. А. Болонский процесс в смысловом пространстве современного образования // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 42–48.

Цель образования — *человекообразование, формирование личности соответственно образу и смыслу человеческого бытия*. Любое профессиональное образование есть воспитание человека, реализующего себя в деятельности инженера, врача, юриста, актера. Этот смысл наиболее конкретно раскрывается в слове «призвание», практически исчезнувшем из обихода. Призвание — это духовный аристократизм, глубоко личное переживание сопричастности через свою профессию Искусству, Науке, Культуре в полном смысле этих понятий. В призвании профессиональные функции переживаются как жизненно-личные, а служение и долг воспринимаются как единственно возможная форма поведения.

Комиссия ЮНЕСКО определила стратегию образования на XXI век как «учить быть», опубликовав заключительный документ под таким названием³. В финальной части исследования, подготовленного для Международной конференции и обнародованного ЮНЕСКО в 1977 году, говорилось о том, что различия между общим и профессиональным обучением будут стираться, так как «умение адаптироваться к изменениям станет более важным качеством, чем обладание конкретными знаниями и навыками»⁴.

Наличие в учебном плане любого вуза общегуманитарных дисциплин — не досадная идеологическая добавка к специальным предметам (чем его по сей день представляют некоторые «специалисты»), а методологическое и теоретическое основание «общечеловеческого образования». Относительно этих предметов невозможна прагматическая постановка вопроса: «За чем инженеру (актеру, врачу, юристу) нужна философия (история, социология, культурология)? Представляется оптимальной много десятилетий назад установившаяся в мировой практике пропорция соотношения дисциплин в учебном плане: 1/3 — специальные, 1/3 — вспомогательные, 1/3 — общегуманитарные. Впрочем, жизнь заставила пересмотреть и эту норму: насколько мне известно, после черныбыльской катастрофы и гибели шаттла «Челленджер» в ряде западных технических университетов объем гуманитарных дисциплин увеличился до 42 %.

В российской культурной традиции связь образования с духовной и душевной жизнью человека можно найти уже в этимологии слова «образование»: оно происходит от старославянского «образить», означающего «привести кого-либо, что-либо в порядок, в надлежащий вид, придать образ», а «просвещение» семантически восходит к «свету», «святости». Образовательный процесс ориентирован на развитие в человеке человеческого — его высшей разумности, духовности, этичности, любви, сострадательности.

Такое толкование образования и понимание его места в жизни лежит в основе российских государственных

³ Learning to Be / E. Faure, F. Herreza, A. Kaddonza [et al.]. P. : UNESCO, 1972.

⁴ Хюммель Ш. Образование: каким оно будет завтра // Курьер ЮНЕСКО. 1978. Апр. С. 30.

ных документов об образовании. Любопытная поправка появилась во второй редакции Закона «Об образовании»: в определении содержания образования как «процесса обучения и воспитания» слова поменяли местами. Такой порядок слов сохранился и в последующих редакциях закона, и в Национальной доктрине образования: «Доктрина определяет цели воспитания и обучения...» То есть воспитание как приобщение человека к ценностному миру полагается основой педагогической деятельности.

Стоило ли унифицировать нашу школу под западный стандарт? Это тема для отдельного разговора. Однако ничего негативного во включенности отечественного высшего образования в контекст европейского не было. Взаимодействие и взаимоусиление различных школ, национальных традиций при сохранении собственной идентичности — один из принципов Болонского процесса. Согласно документам «болонское» понимание образования трактует его как «пожизненное» сопровождение человека, а следовательно, предполагает саморазвитие, самовоспитание личности. В совокупности принципов Болонского процесса нет второстепенных, «фоновых» положений, напротив, вместе они представляют собой сложное смысловое целое, где неразрывно связаны прошлое, настоящее и будущее; гражданственность, свобода и ответственность; профессия и призвание; традиция и творчество; природа и общество; человек и среда; Европа и планета. И адресована Великая хартия университетов (*Magna Charta Universitatum*) не только профессиональному сообществу, но «государствам и совести народов».

В ответ на критику образовательных реформ звучали обреченно-извинительные слова: «Что поделаешь, присоединением к Болонскому процессу мы взяли на себя обязательства, назад пути нет». Лукавство. В Конвенции «Формирование будущего», принятой в 2001 году в Саламанке, вполне императивно сказано: «Университеты должны иметь право формировать свои приоритеты в обучении... профилировать свои программы».

Как знак вступления страны в принципиально новую полосу социального осмысления и преобразования жизни нами был воспринят Указ № 1 первого Президента России, посвященный образованию. Это однозначно демонстрировало приоритетность образования в сфере государственных интересов.

К сожалению, дальше последовало то, что по сей день происходит с образованием (хотя, справедливости ради, нельзя не отметить несомненные положительные процессы, вполне заслуживающие отдельного обобщающего разговора). Выступая 15 лет назад на Лихачевских чтениях, замечательный ученый и в высшей степени нравственно чуткий человек Н. Н. Скатов сформулировал краткую и жесткую максиму: «Разрушение нашего человека началось с реформы образования». Несколькими годами ранее, обращаясь к депутатам Государственной Думы, выдающийся математик, академик В. И. Арнольд назвал образовательные реформы «преступлением против России». Ответственные люди такими словами не бросаются.

Состояние современного российского образования определяется в основном тремя модусами общества: это рынок, цифровой мир и неолиберальное мировоззрение. Не только нормально, но и замечательно, что образование мыслится в широком социальном контексте, вопрос лишь в том, как мы понимаем связь названных детерминант с целями, задачами, смыслами образования, более того, с реальным содержанием и объемом человеческой жизни. «Обремененность» нашего бытия рынком и рыночными отношениями несомненна, но, думаю, достойна быть развернутой в теоретическое полотно простая фраза академика Д. С. Львова — крупнейшего экономиста: «Жить на рынке невозможно». Отношения производителей и потребителей не могут заменить собой всю полноту жизни человека и общества. В передаче «Педагогических час» на радио «Эхо Москвы» доктор педагогических наук спросил школьника, признавшегося в любви к поэзии: «А зачем тебе стихи?» Мальчику, смутившемуся от неумения дать исчерпывающий ответ, помог сам профессор: «Чтобы лучше выглядеть на рынке труда». Смешно и грустно.

Менеджер на коллегии Министерства образования и науки настаивает на праве работодателя определять учебные планы вузов. Конечно, работодатель должен *участвовать* в их формировании, но *не определять*, потому что образование — не обслуживание профессии. Совершенно несостоятельно предложение заменить понятие «высшее образование» другим — «профессиональное образование», поскольку это явления разного порядка. Бывший министр труда и социального развития профессор А. Починков утверждал: «Главное — воспитать новую рыночную породу людей»¹. Не человека, а «рыночную породу». У нас уже был министр образования, заявивший, что «гуманитарное образование — дорога в никуда». И некоторые университетские профессора, активно поддерживая друг друга, говорят о ненужности гуманитарного образования: прежде оно приобщало молодых к интеллигенции, задача которой сводилась к тому (оцените иронию!), «чтобы сеять разумное, доброе, вечное». Ныне функция этой группы поставлена под сомнение. Нужны «не интеллигенты, а интеллектуалы, с помощью полезных знаний и умений вписывающие человека в социум»². Известный киновед и культуролог К. Э. Разлогов обосновывает исключение из вузовских учебных планов этики и эстетики тем, что эти дисциплины имеют дело с нормами, а те для сегодняшней культуры не характерны³.

Со следующего 2023/24 учебного года вдвое увеличивается объем преподавания истории России студентам неисторических специальностей. В концепции вузовского курса истории подчеркивается его значение *для развития личности и формирования общегосударственной идентичности российского общества*. Эти требования не расходятся ни с отечественными, ни

¹ Московские новости. 2002. № 5. С. 19.

² Десять гуманитариев в поисках университета : круглый стол по проблемам гуманитарного образования, 29 июня 1998 г. // Неприкосновенный запас. № 2. С. 21–27.

³ Разлогов К. Э. Глобальная и/или массовая // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 43–56.

с международными документами. Однако в начале наших образовательных реформ были предложения УМО соответствующих специальностей заменить у будущих врачей «всеобщую историю» на «историю медицины», а у финансистов — на «историю денег».

Один из серьезнейших аспектов современного образования — внедрение в него информационных технологий. По-видимому, серьезное отставание России по части компьютеризации учебного процесса преодолено. Нет необходимости доказывать очевидное: образование с компьютером на порядок лучше, чем без него, а в той его части, которая связана с передачей и освоением информации, Интернет произвел настоящую революцию. Но кто сказал, что цель и смысл образования — информация? Один из докладов на конференции в Гуманитарном университете назывался «Новейшая информационная технология — основа современного образования». Любая технология безразлична к целям и смыслам деятельности, к ее нравственным последствиям.

В контексте нашего разговора интересны рассуждения Мануэля Кастельса — одного из самых авторитетных идеологов и теоретиков современного информационного общества. Многократно прослеживая на страницах своего фундаментального труда сложнейшие взаимодействия между технологией, экономикой, политикой и культурой, он отмечает, что они преобразуют мир, «но не обязательно к лучшему». Использование технологий чрезвычайно зависит от жизненных условий общества. От того, в чем человек нуждается и о чем мечтает. И этот выбор определяется не толь-

ко финансовыми возможностями и рыночным потенциалом общества: «...решающими в использовании на благо каждого пользователя будут культурные и образовательные различия»¹.

Надпись на фронтоне школы в Матвеевом переулке гласит: «Non Scholae, sed vitae discimus» («Учимся не для школы, а для жизни» — лат.). Возможно, никогда прежде этот древний латинский текст не был так актуален, как сегодня. Распадом общественной идеологии, ценностно-нормативной системы общества образовательный кризис обусловлен не меньше, чем дефицитом финансирования или неверными организационными решениями. Образование, возможно, самый точный индикатор кризиса жизни. Мир в целом и любой его отдельный фрагмент представляют сегодня напряженную поляризацию сил. Злу противостоят силы сопротивления. Важные понятия «право» и «свобода» истреблены до неприличия. В современных условиях невозможно — просто стыдно — говорить о правах и свободах без акцента на обязанностях и ответственности. Время действительно трудное. Но напомним: Академия педагогических наук РСФСР была основана в тяжелом военном 1943 году.

А завершить свой доклад хочу словами великого ученого, академика Валерия Алексеевича Легасова — одного из главных расследователей чернобыльской трагедии. За четыре месяца до своего трагического добровольного ухода из жизни он сказал: «Чернобыль взрывается от того, что нынешние „гении техники“ стоят не на плечах Толстого и Достоевского, а на плечах таких же „технарей“, как они сами»².

¹ Кастельс М. Информационная школа: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 22.

² Московские новости. 1987. 13 дек. С. 7. Некоторое время спустя в ходе дискуссии «Чернобыль и мы» во Франции из уст нашего отечественного «гения техники» я услышал: «Чернобыль, прежде всего, интересная физика».